

**Prevention of torture and torture-like practices  
from the viewpoint of human rights**

**Abstract:** The paper analyzes torture and other types of cruel, inhuman or degrading treatment or punishment as interconnected criminal actions that violate constitutional norms and international agreements on human rights. The author proves that the existing foreign and Russian practice of anti-criminal reaction to torture and torture-like treatment does not fully correspond to the demands of observing universal human rights. The comparative legal analysis of legislation in different countries shows that although these countries differ in their level of democratic rights and liberties, they still have similar problems and solutions to a three-fold task: criminalization, prevention and putting an end to torture and torture-like practices. The author believes that it is necessary to conduct an urgent overhaul of certain Articles of the Criminal Code of the Russian Federation to put them in accord with the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment; the author also presents a number of measures to bridge the existing gap between legislative and law enforcement practices of observing human rights and banning torture.

**Keywords:** torture; criminalization of torture; crime prevention; human rights.

Общепризнано, что пытки и другие формы жестокого, бесчеловечного или унижающего человеческое достоинство обращения и наказания являются одним из грубых нарушений фундаментальных прав человека. Среди преступлений против человечности пытки занимают одно из «приоритетных» мест, хотя на практике нередко возникают некоторые трудности с определением границы между жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видом обращения и наказания и преднамеренными актами пыток. Лишение свободы (по различным основаниям) может создавать условия, которые приводят к жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию, способствуя применению пыток. Следует согласиться с мнением Е.Н. Рахмановой о том, что борьба с преступностью, в частности с терроризмом и другими опасными формами глобальной

---

♦**Chuksina Valentina V.** - PhD in Law, Associate Professor, Head, Chair of the Theory of Law and National Security, Baikal National University of Economics and Law, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: v-chuksina@yandex.ru.

преступности, не должна совершаться за счет нарушения прав человека, которые подлежат защите в полной мере [1, с. 150], а значит, меры, которые необходимо принимать для предупреждения пыток, должны применяться для предотвращения жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. К тому же отсутствие надлежащей криминализации этих деяний как должностных преступлений резко сокращает возможности привлечения к ответственности совершивших их лиц и создает трудности при организации статистического учета в судебной практике. Поэтому зачастую статистика применения пыток и связанных с ними видов практики носит латентный характер в силу того, что акты пыток могут быть замаскированы под преднамеренное нанесение телесных повреждений или другие насильственные действия, превышение должностных полномочий, или по причине того, что само понятие «пытка» находится в «черной правовой дыре» внутригосударственного законодательства и акты пыток остаются безнаказанными.

Безусловно, по справедливому замечанию Ю.А. Тихомирова, законодательство и правовую систему любого государства нельзя рассматривать вне связи с другими национальными правовыми системами и с международным правом [2, с. 13]. Анализ официальных документов ООН, национальной и международной судебной практики, научных исследований, а также отчетов правозащитных общественных организаций подтверждает, что вероятность применения пыток и других форм жестокого обращения увеличивается в местах принудительного содержания под стражей (в тюрьмах, полицейских участках, центрах для содержания мигрантов и т.д.). «Излишне было бы дополнительно иллюстрировать сказанное бесчисленными примерами того, как невинные люди признавали себя виновными, корчась под пыткой от боли. Нет такой нации, такой эпохи, которые не давали бы подобных примеров» [3, с. 125]. Парадоксально, но слова правоведа и гуманиста XVIII в. Чезаре Беккариа остаются актуальными и в настоящее время. Причем это относится не только к государственным режимам, при которых пытки и другие формы жестокого обращения применяются в силу обычаев для ужесточения наказаний или как способ получения признательных показаний, но и к государствам, называющим себя образцами демократии и соблюдения прав человека.

Эффективным стимулом для государств в аспекте криминализации пыток, жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство форм обращения и наказания, а также разработки законодательных, административных, судебных и других мер их предупреждения служат нормы

международного права. В частности, Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 7), Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее — КПП), Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее — ФП КПП) и другие международные документы акцентируют недопустимость бесчеловечного обращения и применения пыток и предусматривают правовую ответственность для государств — участников международных договоров.

Все государства — члены Организации Объединенных Наций единогласно выразили свое согласие со ст. 5 Всеобщей декларации прав человека: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию». КПП не только конкретизировала это декларативное положение, но и наделила абсолютный запрет пыток и других бесчеловечных видов обращения и наказания особым статусом, сделав его принципом международного права, не допускающим никаких исключений и отступлений.

Тем не менее, до сих пор (по состоянию на март 2015 г.) 38 государств-членов еще не ратифицировали КПП<sup>1</sup>. На этом фоне представляется инновационной заявленная в марте 2014 г. инициатива правительств Ганы, Дании, Индонезии, Марокко и Чили о создании международной группы поддержки КПП, которая должна стать платформой для обмена знаниями, опытом и идеями о том, как преодолеть препятствия на пути к ее всеобщей ратификации к 2024 г.<sup>2</sup>

С одной стороны, всеобщая ратификация КПП должна не только снизить риски применения пыток и других форм жестокого обращения и наказания во всех странах, но и криминализировать их, предусмотрев механизмы пресечения преступного отношения к лицам, находящимся в местах лишения свободы. С другой стороны, сегодня у многих государств, ратифицировавших КПП, имеются проблемы с выполнением взятых на себя обязательств. Эффективное осуществление положений КПП предполагает приоритет международных договоров перед внутренним законодательством и (или) имплементацию в полном объеме всех положений конвенции во внутреннее законодательство, начиная с внесения изменений в конституцию, уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, закон о полиции, пенитенциарное законодательство и во многие другие законы и подзаконные акты. Мировой опыт показывает, что

---

<sup>1</sup> Status of ratification of Human Rights Instruments. URL: <http://treaties.un.org/Pages/Treaties.aspx?id=en>.

<sup>2</sup> Convention Against Torture Initiative 2014–2024. URL: [https://www.apr.ch/content/files/CTI/annual report 2014.pdf](https://www.apr.ch/content/files/CTI/annual%20report%202014.pdf).

существуют различные причины и варианты специфической реализации положений КПП во внутреннем законодательстве и правоприменительной практике.

Так, США, провозглашая свое мировое лидерство в области соблюдения прав человека в целом и в сфере предупреждения пыток в частности, при ратификации КПП сделали ряд оговорок, касающихся ограничений применения и интерпретации положений КПП (как, впрочем, и других конвенций). Это так называемые РУД (RUD: reservations, understandings, and declarations). Согласно п. I РУД, США считают себя связанными обязательством в соответствии со ст. 16 КПП лишь постольку, поскольку термин «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание» означает «жестокое, негуманное и бесчеловечное обращение или наказание», которые запрещены пятой, восьмой и (или) четырнадцатой поправками к Конституции Соединенных Штатов Америки. Пункт II РУД гласит, что (применительно к ст. 1 КПП) под пыткой понимается такой акт, который специально предназначен для нанесения серьезной физической или психологической боли или страдания. К психологической же боли или страданиям относится длительный умственный вред, полученный в результате: умышленного причинения или угрозы причинения сильной физической боли или страданий; введения или угрозы применения веществ или других процедур, направленных на глубокое изменение чувств или личности в целом; угрозы неминуемой смерти; те же самые действия в отношении третьего лица<sup>3</sup>. Такое же определение пыток дается и в федеральном законе США о пытках<sup>4</sup>. По сути, в интерпретации США пыткой признается только специально предназначенный для причинения тяжелого физического вреда акт, а психологическая пытка без физической травмы или серьезных нарушений психики не является пыткой. Понятно, что это «определение пыток настолько узко, что может удовлетворить только садистов» [4, р. 850], тем более что разграничение физических и психологических методов пыток является искусственным, так как на практике они выступают как «две стороны медали».

Репутация США в области предупреждения пыток и других форм жестокого и унижающего человеческого достоинство обращения и наказания существенно страдает в связи с проявлением жестокости полицией, например в ходе событий в Нью-Йорке (убийство А. Диалло и П. Дорисмонда), в недавних случаях в Фергюссоне, Миссури, Балтиморе и др. Хотя мнения белых, афроамериканцев, латиноамериканцев о действиях полиции до и после каждого

---

<sup>3</sup> U.S., Convention Against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment, Cong. Rec. S17486-01 // Daily edition. 1990. Oct. 27.

<sup>4</sup> Federal torture statute. 18 U.S.C. 2340, 2340A. URL: <https://www.congress.gov>.

инцидента различаются, в целом напряженность отношений между полицией и обществом растет [5; 6], а сами факты полицейского насилия подрывают основу легитимности полиции [7, с. 38–40]. Публицистический рассказ великого американского писателя Марка Твена «Чем занимается полиция», как ни парадоксально, актуален и сегодня [8, с. 12–14].

Негативный удар по репутации США нанесла и практика допросов, применявшихся в тайных тюрьмах ЦРУ после событий 2001 г., во время боевых действий в Ираке и Афганистане. В плане прекращения использования актов пыток в качестве методов допросов заключенных позитивным шагом в борьбе с этими преступными злоупотреблениями стал указ президента Обамы от 22 января 2009 г. Указ о запрете пыток был издан с целью содействия безопасному, законному и гуманному обращению с физическими лицами, находящимися под стражей в США. Данный нормативный акт содержит прямое указание ЦРУ закрыть все места тайного содержания под стражей, а также ограничивает в условиях вооруженных конфликтов возможность использования физического контроля по отношению к лицам, находящимся под стражей, только методами, указанными в полевом уставе армии США<sup>5</sup>. Несмотря на то, что была учреждена целевая группа для изучения возможностей осуществления указа, его реализация не стала полностью прозрачной. И ответ на вопрос о гарантированности неприменения пыток и других форм жестокого обращения и наказания вне контекста вооруженного конфликта остался открытым. К тому же понятно, что по сравнению с законом, принятым Конгрессом, указ как подзаконный акт может быть легко обратимым в зависимости от воли президента.

Поэтому неудивительно, что после публикации в апреле 2014 г. доклада Сенатского комитета об обращениях с заключенными в Гуантанамо те лица, кто санкционировал подобные действия, не понесли уголовного наказания, несмотря на то что в докладе неэффективными средствами получения достоверной информации были признаны использовавшиеся ЦРУ «допросы с пристрастием», «расширенные методы допросов» (типа техники допроса, моделирующей процесс утопления (waterboarding), принудительного энтерального питания и др.)<sup>6</sup>, равносильные пыткам.

Кстати, следует отметить, что после «откровений», представленных в докладе Сената США, многие европейские страны, на территории которых под контролем ЦРУ в тюрьмах содержались заключенные, или участвовавшие в

---

<sup>5</sup> Ensuring Lawful Interrogations: Presidential Documents. Executive Order 13491 of January 22, 2009 // Federal Register. 2009. Vol. 74, № 16. P. 4893–4896.

<sup>6</sup> Senate Select Committee on Intelligence Committee Study of the Central Intelligence Agency's Detention and Interrogation Program. URL: <https://www.documentcloud.org/documents/1377107-sscistudy1.html>.

экстрадиции подозреваемых в американские тюрьмы ЦРУ (где им заведомо грозило жестокое обращение и пытки), не спешат привлекать виновных к ответственности. Румыния и Литва вообще отрицают свое участие в применении пыток при сотрудничестве с ЦРУ. Польша и Великобритания признали наличие актов пыток, но уголовное расследование данных фактов затормозилось. На сегодняшний день Италия является единственной страной, которая подвергла судебному преследованию людей, принимавших участие в допросах и других насильственных действиях со стороны ЦРУ<sup>7</sup>. Такой мировой рекорд в попустительстве пыткам и жестокому обращению с заключенными стал реальностью благодаря беспринципной позиции США и европейских стран в отношении явных нарушений основных прав человека со стороны ЦРУ. В оценку деяний ЦРУ свою лепту также внесла американская интерпретация самого понятия «пытка» и специфическая юридическая трактовка (в том числе с использованием РУД) условий, приводящих к ответственности за акты их применения. В частности, согласно РУД к КПП, это относится только к лицам, находящимся на территории под юрисдикцией США, на которых наложены санкции в судебном или административном порядке в соответствии с законами США или с судебным толкованием закона.

Безусловно, что такая трактовка актов пыток не только оправдывает поведение американских должностных лиц и военнослужащих, но и предоставляет правовой иммунитет от наказания за преступное отношение к лицам, находившимся в тайных тюрьмах ЦРУ (на чужой территории, с бессрочным содержанием под стражей и без официальной регистрации заключенных), а также задержанным в условиях вооруженного конфликта. Однако это создает условия и для продолжения практики жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения или наказания, что, по сути, равносильно пыткам.

В настоящее время, по данным Международного центра тюремных исследований, доля содержащихся под стражей в США (716 чел. на каждые 100 тыс. жителей) более чем в 5 раз превышает аналогичные показатели в большинстве стран мира [9]. А создание «бизнес-модели» тюрем, находящихся в ведении шерифов и частных компаний, играет немаловажную роль в применении в массовом масштабе длительных сроков уголовных наказаний. Если к этому добавить американскую практику регулярного использования в следственных изоляторах и тюрьмах продолжительного (по несколько лет) заключения в одиночную камеру (в том числе и несовершеннолетних) в

---

<sup>7</sup> Human Rights Watch. World Report 2015: Our annual review of human rights around the globe. N.Y.: Seven Stories Press, 2015. P. 12–13.

качестве наказания, то данный факт уже можно квалифицировать как жестокое и бесчеловечное обращение, а в некоторых случаях — и как пытки, приносящие нравственное и физическое страдание [10, р. 431, 450]. Очевидно, что это означает явное нарушение ст. 1 КПП и ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах, но зато «освящено» РУД.

В принципе конституционность РУД к КПП у многих ученых давно вызывает вопросы. Во-первых, жестокое, негуманное и бесчеловечное обращение или наказание запрещены пятой, восьмой и (или) четырнадцатой поправками к Конституции Соединенных Штатов Америки. Во-вторых, американская Конституция гласит: «Конституция и законы Соединенных Штатов, принимаемые во исполнение оной, равно как и все договоры, которые заключены или будут заключены от имени Соединенных Штатов, являются верховным правом страны; и судьи каждого штата должны подчиняться им, хотя бы в Конституции и в законах отдельных штатов встречались противоречия им» (ст. VI); «Судебная власть распространяется на все дела, основанные на праве и справедливости, возникающие на основе настоящей Конституции, законов Соединенных Штатов и международных договоров, которые заключены или будут заключены от их имени» (ст. III, разд. 2). Следовательно, международные договоры тоже становятся «верховным правом страны». Однако обременение Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания РУД (п. III.1) приводит к тому, что положения статей с 1-й по 16-ю конвенции не имеют прямого действия. Поэтому в юрисдикцию судов не входит рассмотрение исков, касающихся нарушений прав человека, на основании ратифицированного договора, что не позволяет потерпевшим требовать судебной защиты со ссылкой на КПП.

Другими словами, американские «РУД эффективно аннулируют договор как правовой документ, определяющий обязательства правительства США перед своими гражданами» [11, р. 106]. По сути, это означает нарушение фундаментального принципа американского права: «Где есть законное право, есть также средство правовой защиты», провозглашенного еще в 1803 г. (в связи с судебным прецедентом по делу «Марбери против Мэдисона»<sup>8</sup>), и более того, позволяет США изолироваться от каких-либо официальных санкций за нарушение прав человека согласно общепринятым принципам и нормам международного права по борьбе с пытками и связанными с ними видами

---

<sup>8</sup> William Marbury v. James Madison, Secretary of State of the United States. Oral Argument: Thursday, February 10, 1803. Decision: Wednesday, February 23, 1803. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/5/137/case.html>.

практики (США успешно изолировали себя от юрисдикции Межамериканской комиссии по правам человека и Межамериканского суда по правам человека).

США, подчеркивающие свою исключительность и критикующие другие страны за нарушение прав человека в форме применения пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания, тем не менее, не являются единственным государством, внутреннее законодательство которого не полностью соответствует ратифицированным договорам. Примерно так же обстоят дела у Австралии: если ратифицированный договор законодательным путем не имплементирован во внутреннее законодательство, то он не является частью национального права. До сих пор Уголовный кодекс Австралии 1995 г. (гл. 8) не в полной мере обеспечивает защиту прав, изложенных в КПП, и соблюдение запретов на применение пыток и жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, содержащихся в Международном пакте о гражданских и политических правах. А также, согласно австралийскому федеральному законодательству, жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и наказание со стороны должностных лиц не во всех кон- текстах предусматривают уголовную ответственность<sup>9</sup>. Не лучше обстоят дела на региональном уровне, где отсутствует единообразный подход к криминализации пыток и других форм жестокого или унижающего достоинство обращения и наказания. Так, акты пыток в одних австралийских штатах рассматриваются в качестве уголовного преступления, а в других за акты пыток могут привлекать к уголовной ответственности, только опираясь на положения о других уголовных преступлениях. Можно привести массу примеров, подтверждающих, что в демократически развитых странах достаточно распространенной остается практика, когда пытки, криминализированные в уголовном законодательстве государства, не включают в полном объеме все элементы определения пытки в соответствии со ст. 1 КПП<sup>10</sup>. Не является исключением и Бельгия. Уголовным кодексом Бельгии (ст. 417-тер и 417-кватор) за пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение предусмотрены достаточно большие сроки наказания в виде лишения свободы (максимальные сроки от 15 до 20 лет). Статья 417-бис дает следующие определения этих видов преступлений: «1. Пытки: любое преднамеренное бесчеловечное обращение, вызывающее сильную боль или очень серьезные и

---

<sup>9</sup> Commonwealth Consolidated Acts. Criminal code act 1995. URL: <http://www.humanrights.gov.au>.

<sup>10</sup> Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН, тридцать девятая сессия, A/Res/39/46. Женева: Орг. Объединен. Наций, 1984. С. 276–281.



жестокие физические или психические страдания; 2. Бесчеловечное обращение: любое действие, при котором серьезное психическое или физическое страдание умышленно причиняется лицу, особенно в целях получения информации или признания, наказания, принуждения или запугивания; 3. Унижающие достоинство виды обращения: любое действие, которое вызывает унижение человека в его собственных глазах или в глазах других или серьезную деградацию»<sup>11</sup>.

Как видим, Уголовный кодекс Бельгии в определение «пытки» не включает такие акты пыток, которые, согласно ст. 1 КПП, основаны на дискриминации любого характера; когда боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве; совершенные по подстрекательству должностных лиц либо с их ведома или молчаливого согласия.

Похожая ситуация в плане определения пытки и ее неполного соответствия ст. 1 КПП характерна и для Российской Федерации. В соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ под пыткой понимается «причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях»<sup>12</sup>. Можно считать, что ст. 110 «Доведение до самоубийства»; ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; ст. 116 «Побои», с одной стороны, конкретизируют преднамеренное причинение физического вреда, хотя не называют это пытками. С другой стороны, в них в качестве отягчающих условий не отражается совершение этих преступных деяний должностными лицами либо по их подстрекательству или с их молчаливого согласия. Более того, они не квалифицируются как пытки, поэтому не предусматривается надлежащих мер наказания в соответствии с требованием КПП, не говорится о сроке давности, применяемом к преступлениям, совершенным в форме пыток. В итоге это может помешать расследованию, преследованию и, соответственно, наказанию за совершение таких преступлений против неотъемлемых прав человека. К этому следует добавить, что в России имеются и другие пробелы в нормативном регулировании в сфере защиты права на свободу и личную неприкосновенность, а также и практика применения насилия [12, с. 141].

---

<sup>11</sup> Criminal Code of the Kingdom of Belgium (1867, as of 2010). URL: <http://www.legislationline.org/documents/action>.

<sup>12</sup> О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 8 дек. 2003 г. № 162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

Кстати, в отличие от той же Бельгии, ст. 117 и 302 УК РФ, в которых речь напрямую идет о пытках, предусматривают за акты пыток гораздо меньшие сроки наказания. Зато в России (во многих статьях УК РФ, разд. VII «Преступления против личности», гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья») мотивация деяний политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой, либо ненавистью или враждой в отношении какой-либо социальной группы рассматривается какотягчающее обстоятельство.

Анализ внесенных за последнее время в нормативно-правовые акты Российской Федерации изменений свидетельствует о том, что Россия целенаправленно продвигается по пути усиления законодательного запрета пыток и других форм жестокого обращения и приведения их в соответствие с общепризнанными принципами и нормами, касающимися методов и условий применения физического или психологического насилия и пыток. Многие законодательные и подзаконные акты делают особый запрет на их применение. В частности, в 2008 г. внесены изменения в ст. 3 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, принятого еще в 1997 г. В настоящее время «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации и практика его применения основываются на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации, в том числе на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными»<sup>13</sup>. Также нельзя не отметить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21, в котором пытки рассматриваются как нарушение основных прав человека и ратифицированной Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Некоторые права и свободы человека, гарантируемые Конвенцией и Протоколами к ней, не могут быть ограничены ни при каких условиях (право не подвергаться пыткам и др.)»<sup>14</sup>.

Анализ правоприменительной практики УК РФ и УИК РФ, Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Федерального закона «О полиции» и т.д., Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и

---

<sup>13</sup> О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 3 апр. 2008 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 14. Ст. 1359.

<sup>14</sup> О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 // Российская газета. 2013. 5 июля.

обвиняемых органов внутренних дел, Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и других нормативно-правовых актов Российской Федерации, касающихся рассматриваемой проблемы, свидетельствует, что существует определенный разрыв между законодательством и его применением. В таком аспекте особое значение приобретает деятельность Европейского суда по правам человека, который, не вмешиваясь в политическую сферу функционирования государства, не выдвигая определенных вариантов доктрины разделения властей, обладает правом определять, являются ли меры, предпринимаемые в конкретной правовой системе, достаточными для обеспечения и соблюдения прав и свобод личности [13, с. 121].

Приведем несколько фактов, подтверждающих остроту данной проблемы. Так, к настоящему времени Европейским судом по правам человека принято уже более 90 решений по жалобам на нарушения Россией нормы о запрете пыток (еще большее количество аналогичных дел, жалобы заявителей по которым признаны приемлемыми, ожидают рассмотрения). Учитывая массовый характер жалоб на бесчеловечные или унижающие достоинство условия содержания заключенных в СИЗО, Европейский суд по правам человека в 2012 г. вынес новое «пилотное» постановление по делу «Ананьев и другие против России» (жалобы № 42525/07 и 60800/08), обязывающее власти принять срочные меры к устранению такого рода нарушений прав человека<sup>15</sup>. Анализ федерального бюджета РФ, а также отчетов о его исполнении за последние несколько лет наглядно демонстрирует устойчивую тенденцию к увеличению расходов государства на исполнение решений Европейского суда по правам человека. Получается, что государство тратит колоссальные финансовые и организационные ресурсы на защиту по каждому отдельному делу, не имея единой стратегии превентивных мер [14, с. 151].

Не вызывает оптимизма не только статистика решений международных органов, но и анализ обращений граждан, осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в Федеральную службу исполнения наказаний. На протяжении нескольких лет среди различного рода обращений остается высоким уровень поступления жалоб на нарушение законности сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Так, в 2014 г. поступили жалобы: на незаконное водворение в СИЗО, ПКТ, ЕПКТ — 903, незаконное применение физической силы и специальных средств — 257, рукоприкладство — 589, а также на другие

---

<sup>15</sup> Дело «Ананьев и другие заявители против России» (жалобы № 42525/07 и 60800/08): постановление от 10 янв. 2012 г. // Российская юстиция. 2012. № 8. С. 68–78; № 9. С. 71–78; № 10. С. 69–78.

жестокие или унижающие человеческое достоинство формы наказания и незаконное лишение прав осужденных<sup>16</sup>.

До тех пор пока совершение насильственных действий (которые, например, имели место в исправительной колонии № 6 г. Иркутска, когда сотрудник колонии облил спиртом и поджег заключенного, а другие сотрудники проявили противоправное бездействие) будет оставаться безнаказанным, проблема пресечения жестокого и унижающего достоинство обращения будет актуальной. Ведь данный факт совершения преступления остался недоказанным, а ответчик скончался до суда. 5 марта 2015 г. Свердловский районный суд г. Иркутска взыскал с колонии только компенсацию морального вреда гражданину Д. в размере 70 тыс. р.<sup>17</sup> Почему-то данный акт не квалифицируется как пытка, хотя, согласно КПП и Стамбульскому протоколу<sup>18</sup>, который содержит перечень (не являющийся исчерпывающим) методов пыток, в этом не возникает сомнения. Эти и другие примеры жестокого обращения с лицами, лишенными свободы, подчеркивают необходимость реформирования уголовного законодательства Российской Федерации в части квалификации применения пыток в качестве отдельного преступления и обеспечения соответствия определения «пытки» положениям ст. 1 КПП, а также, безусловно, необходимость реализации в полном объеме принятой Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, усиления профилактической деятельности по предотвращению пыток, в том числе на основе строгого соблюдения профессиональной этики судьями, прокурорами, адвокатами, полицейскими и другими участниками правоприменительной практики и представителями контролирующих органов.

Наличие пробелов в законодательстве в части определения пыток и их квалификации в качестве отдельного вида преступлений, недопустимости использования в судах показаний, полученных с применением пыток и других форм жестокого обращения, имеет место и в странах, у которых существуют серьезные проблемы с правами человека и демократическими свободами, в том числе порождаемые социально-экономическими причинами. Ярким примером служит уголовное законодательство Буркина-Фасо<sup>19</sup>. Несмотря на ратификацию

---

<sup>16</sup> Федеральная служба исполнения наказаний. Обзор обращений граждан за 2014 год: офиц. сайт. URL: <http://фсин.рф/structure/management/obzorobrashcheniy-grazhdan>.

<sup>17</sup> Свердловский районный суд г. Иркутска: офиц. сайт. URL: [http://sverdlovsky.irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud\\_delo&srv\\_num=1&H](http://sverdlovsky.irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&H).

<sup>18</sup> Стамбульский протокол. Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Нью-Йорк; Жене- ва: Орг. Объединен. Наций, 2004. С. 46–47.

<sup>19</sup> Code pénal du Burkina Faso (Loi No. 043/96/ADP du 13 Novembre 1996); Loi N°006- 2004/AN du 06 Avril 2004 modifiant la Loi N°043/96/ADP. URL: <http://www.justice.gov.bf/files/Documents%20en%20ligne>.

КПП и ФП КПП, ни в законах, ни в регламентирующих документах (правилах обращения с заключенными и др.) Буркина-Фасо нет понятия «пытка», что не только способствует безнаказанности их применения, но и является серьезным нарушением прав человека.

В государствах, много лет подряд имеющих один из самых низких уровней развития демократии (в подавляющем большинстве это мусульманские страны), пытки и другие формы жестокого обращения применяются на практике, как в нарушение принятого законодательства, так и в качестве правомерных наказаний за различного рода преступления<sup>20</sup>. Такой дуализм, как правило, имеет религиозные основания.

В качестве примера рассмотрим Саудовскую Аравию. В Королевстве нет официальной писаной Конституции, а действует Основной закон о государственном управлении, утвержденный королевским указом № А/90 от 27 числа месяца шабан 1412 г. летоисчисления Хиджры (2 марта 1992 г.), который не обеспечивает защиту основных прав и свобод согласно принятым международным обязательствам государства. В соответствии с Основным законом Королевство — суверенное арабское исламское государство. Король осуществляет надзор за применением норм шариата, законов и осуществлением общей политики государства. Государство защищает права человека в соответствии с законами шариата<sup>21</sup>.

Напомним, что в Королевстве действуют законы шариата в наиболее строгом соответствии нормам ветхозаветного, «чистого» ислама, и мусульманские правители обязаны применять установленные принципы и правила в сфере содействия правам человека и их защиты, как это предписано Священным Кораном, Сунной Пророка и исламским правом. Поэтому суровые формы наказания (такие как избивание плетью, палками, забивание камнями до смерти, казнь через отрубание головы и др.) за преступления, которые однозначно определены в Коране или Сунне, являются нормой, хотя это явно противоречит западной трактовке прав человека. В отношении понятий пыток и жестокого обращения и наказания и практики их применения Саудовская Аравия, являясь стратегическим союзником США, стремится формально соответствовать международным стандартам в области криминализации и запрета пыток. В частности, из доклада, представленного Саудовской Аравией Совету по правам человека ООН, следует, что: в Королевстве законодательно установлен запрет пыток; Уголовно-процессуальный кодекс (ст. 2) предусматривает, что арестованным лицам не должен причиняться какой-либо

---

<sup>20</sup> Saudi Arabia. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2015/saudi-arabia#.VRErkfmsWCK>.

<sup>21</sup> Основной Низам (закон) Королевства Саудовская Аравия. URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/86>.

физический вред или нравственные страдания и они не должны подвергаться каким-либо пыткам или унижающему достоинство обращению; создана государственная служба — Управление по расследованиям и уголовному преследованию для осуществления надзора за тюрьмами и местами содержания под стражей; постоянно проводит внеплановые посещения тюрем, мест содержания под стражей Комиссия по правам человека — специализированный государственный орган по содействию правам человека и их защите; создана Национальная ассоциация по правам человека; Закон о внутренних силах безопасности (ст. 171, 172) устанавливает, что любое лицо, в отношении которого доказано применение им неправомерного обращения или принуждения силой в ходе исполнения им своих должностных обязанностей, в том числе применение любой формы пыток, или нанесение увечий, или лишение свободы личности, или применение показательного наказания, подвергается мерам дисциплинарного воздействия в зависимости от тяжести совершенного деяния. Любое лицо, получившее телесные повреждения в результате указанных выше нарушений, может подать в компетентные органы требование о компенсации со стороны виновного<sup>22</sup>. Однако реальная ситуация с практикой применения пыток и других форм жестокого обращения и наказания, а также выполнением международных договоров в области прав человека (в том числе КПП), участником которых является Саудовская Аравия, совсем иная: в этой стране нет официально принятого Уголовного кодекса и законодательного определения пытки как преступления; Уголовно-процессуальный кодекс не содержит положений о том, что показания, полученные под давлением, не принимаются в суде, не гарантирует своевременного доступа к услугам адвоката, зато предусматривает применение к несовершеннолетним телесных наказаний, пожизненного заключения, смертной казни, допускает содержание под стражей на срок до шести месяцев без санкции суда; судебная система не является независимой, она должна координировать свои решения с исламским правом. Поэтому специальная комиссия высших судебных экспертов пишет закон, основанный на шариате, который послужит в качестве основы для вынесения приговоров и определения меры наказания.

Например, в 2014 г. за политическое инакомыслие — оскорбление ислама, считающееся уголовным преступлением, правозащитник и основатель либерального сайта Р. Бадави изначально был приговорен к шести годам лишения свободы и 700 ударам плетью, затем наказание было увеличено до 10

---

<sup>22</sup> Национальный доклад, представленный в соответствии с пунктом 5 приложения к резолюции 16/21 Совета по правам человека. Саудовская Аравия. A/HRC/WG.6/17/SAU/1. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G13/160/90/PDF/G1316090.pdf?OpenElement>.

лет и 1 000 ударов плетью. С ноября 2013 г. по май 2014 г. прокуратура возбудила 191 дело по обвинению в колдовстве, которое наказывается смертной казнью. Также новые проблемы в отношении пыток и связанных с ними видов практики могут возникнуть в связи с принятием 31 января 2014 г. закона Саудовской Аравии «О борьбе с терроризмом». Его расплывчатые положения позволят властям расширительно трактовать понятие «свободное выражение мыслей» — критику монархии или правительства, предусматривая длительные тюремные сроки с применением распространенных методов пыток и жестокого обращения, а также дадут полиции чрезмерные полномочия производить задержания подозреваемых в антиправительственной деятельности без санкции суда и выбивать признательные показания<sup>23</sup>. Вряд ли порку, отсечение конечностей, выкалывание глаз и другие формы жестокого обращения и наказания, применяемые в Королевстве, можно отнести к общечеловеческим правовым ценностям. «Арабские революции» свидетельствуют о том, что как у Саудовской Аравии, так и других государств, функционирующих на основе исламской правовой доктрины, назрела острая потребность в реформировании политико-правовой системы в сфере прав человека, в частности в трансформации национального менталитета в отношении жестоких форм наказания и обращения в целях не формального, а реального выполнения принятых международных обязательств в области прав человека, в том числе КПП.

Очевидно, что законодательно закрепленный абсолютный запрет пыток (ни под каким предлогом исключительных обстоятельств, чрезвычайного положения, борьбы с терроризмом и т.д.) и криминализацию пыток и жестокого обращения с людьми в местах принудительного содержания можно рассматривать как базовую основу искоренения этих видов преступного нарушения прав человека. Однако это необходимое, но недостаточное условие. Важными составляющими комплексного решения данной проблемы являются выяснение причин пыток и других форм жестокого обращения и унижения человеческого достоинства и борьба с ними, ликвидация имеющихся несоответствий между законодательством и его практическим применением, а также контроль мест принудительного содержания органами государственной власти, судебный контроль, ведомственный контроль, общественный контроль. При этом необходимо обеспечивать соответствующую правовую подготовку не только представителей контролирующих органов и судебной системы, но и сотрудников пенитенциарной системы, правоохранительных органов, медицинских работников и других служащих, имеющих дело с лицами,

---

<sup>23</sup> Human Rights Watch. World Report 2015. P. 460–464

лишенными свободы, по вопросу категорического запрещения пыток и связанных с ними форм практики, включая в том числе изучение «международных руководящих принципов в отношении оценки состояния лиц, утверждающих, что они подвергались пыткам и жестокому обращению; при расследовании дел о предполагаемом применении пыток и представлении результатов такой оценки и расследования судебному или какому-либо иному органу расследования»<sup>24</sup>.

В этом плане хочется отметить положительный опыт Российской Федерации. В 2006 г. в России открылся факультет пенитенциарной медицины в структуре Московского государственного медико-стоматологического университета имени А.И. Евдокимова. В мировой медицинской практике это первый пример организации подготовки врачей для уголовно-исполнительной системы, способных работать в специфических условиях и при необходимости дать квалифицированную оценку состояния лиц, подвергшихся пыткам или другим формам жестокого обращения. А также с 1 января 2015 г. началась реализация проекта «Общественный контроль как эффективный механизм предупреждения нарушений прав человека в местах принудительного содержания. Российская модель». Этот совместный проект Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Директората по защите прав человека Совета Европы будет реализовываться при содействии Общественной палаты Российской Федерации и Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. Он нацелен на повышение эффективности деятельности и правовой компетентности общественных наблюдательных комиссий, созданных на основе Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ (в ред. от 12 февраля 2015 г.), и предполагает организацию тренингов, освоение методик посещения мест принудительного содержания и обмен опытом.

В последнее десятилетие многие страны, ратифицировавшие ФП КПП, дополнительно к традиционным формам контроля стали создавать/ назначать специализированные органы — национальные превентивные механизмы для посещения мест принудительного содержания под стражей. По состоянию на апрель 2015 г. из 77 государств — участников ФП КПП 60 государств уже назначили национальные превентивные механизмы<sup>25</sup>. Причем в подавляющем большинстве в качестве таких механизмов используются омбудсмены или

---

<sup>24</sup> Стамбульский протокол. С. 2.

<sup>25</sup> OPCAT Database. URL: <http://www.apt.ch/opcat/en>.



комиссии по правам человека с возложением на них дополнительных функций. Представляется, что выполнение данными институтами функций национальных превентивных механизмов предполагает дополнительные финансовые и человеческие ресурсы, а также соответствующую профессиональную подготовку, иначе их возможности эффективной деятельности будут ограничены. Что касается института классических омбудсменов (например, как в Швеции), то при осуществлении своей деятельности в качестве национального превентивного механизма ему необходимо радикально изменить методику посещения, как того требует ФП КПП, — перейти от реагирования на жалобы постфактум на инициирование расследований и превентивные меры.

В условиях информационного общества создаются дополнительные возможности для профилактики форм жестокого обращения благодаря использованию современных технических устройств. В частности, как показали исследования ученых из Израиля, США и Великобритании, закрепление телекамер на теле полицейских в 2 раза уменьшает вероятность применения насилия по отношению к задержанным. Данный результат подтверждает уменьшение количества жалоб на действия полицейских в 10 раз (с 0,7 жалобы на тысячу контактов до 0,07) [15; 16, p. 220–225]. Этот положительный опыт можно использовать во всех странах.

Актуальность всесторонней борьбы с пытками и связанными с ними видами практики как грубым нарушением общепризнанных прав человека еще раз подтвердил тринадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, состоявшийся 12–19 апреля 2015 г. В принятой на нем Дохийской декларации акцентирована необходимость проявлять на национальном и международном уровнях «должную осмотрительность для предупреждения и противодействия актам насилия; а также принимать эффективные законодательные, административные и судебные меры в целях предупреждения, уголовного преследования и наказания за все формы пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания и с целью искоренения безнаказанности»<sup>26</sup>.

Таким образом, можно сказать, что проблема криминализации, предупреждения и пресечения пыток и связанных с ними видов практики служит своеобразным индикатором реального отношения государства к соблюдению и защите основных прав человека, а ее решение, безусловно, носит системный характер. Несмотря на то, что международные нормы по

---

<sup>26</sup> Тринадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Доха, 12–19 апр. 2015 г. A/ CONF.222/L.6. URL: [http://www.un.org/ga/search/view\\_doc.asp?symbol=A/CONF.222/L.6](http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/CONF.222/L.6).

правам человека категорически запрещают пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения или наказания, а большинство государств подтвердило свою приверженность борьбе с ними, данные преступные акты еще не стали реликтами. Анализ законодательной и правоприменительной практики показывает, что в разных государствах имеются свои специфические условия, допускающие совершение подобных действий. Вместе с тем наиболее общие факторы, препятствующие искоренению практики, несовместимой с понятием «человеческого отношения» к лицам, находящимся в местах лишения свободы, диктуют необходимость принятия эффективных мер для решения триединой задачи: криминализации, предупреждения и пресечения пыток и других жестоких форм обращения и наказания. Представляется, что в числе первостепенных мер необходимо: обеспечить применимость де-факто положений международных норм по правам человека в отношении запрета пыток и других форм насилия (ратифицировать и (или) снять имеющиеся ограничения к международным договорам и (или) имплементировать их); ликвидировать имеющиеся расхождения между определением пыток, данным в КПП, и определениями, включенными во внутреннее законодательство; пересмотреть уголовное законодательство с целью квалификации применения пыток и других форм жестокого обращения в качестве отдельного вида должностного преступления и предусмотреть наказание, соответствующее тяжести совершенных деяний, без учета срока давности; ликвидировать разрыв между законодательством и его практическим применением; совершенствовать внутригосударственные контрольные и превентивные механизмы и международный надзор за соблюдением стандартов по правам человека в местах содержания под стражей. Эти и другие меры будут способствовать реализации заявленной всеми государствами цели: предотвращению пыток, обеспечению прав человека, демократии и верховенства закона.

### **Bibliography**

1. Rakhmanova E.N. Crime restraint strategies in the conditions of globalization. *Strategii ugolovnogo sudoproizvodstva. Materialy nauchnoi konferentsii k 160-letnei godovshchine so dnya rozhdeniya I.Ya. Foinitskogo* [Strategy of criminal legal proceedings. To 160th anniversary of Prof. I.J. Fojnitsky]. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2008, pp. 149–151. (In Russian).

2. Morozova L.A. Russian legal system and international law: contemporary issues of cooperation. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1996, no. 2, pp. 3–28. (In Russian).
3. Bekkaria Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, Stels Publ., 1995. 304 p.
4. Luban D., Shue H. Mental Torture: A Critique of Erasures in U.S. Law. *Georgetown Law Journal*, 2012, no. 100, pp. 823–863.
5. Weitzer R. Incidents of police misconduct and public opinion. *Journal of Criminal Justice*, 2002, vol. 30, iss. 5, pp. 397–408.
6. King M., Waddington D. Coping with disorder? The changing relationship between police public order strategy and practice — a critical analysis of the Burnley Riot. *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*, 2004, vol. 14, iss. 2, pp. 118–137.
7. Westley W. Violence and the Police. *American Journal of Sociology*, 1953, vol. 59, pp. 34–41.
8. Twain Mark. *What Have the Police Been Doing?* (Rus. ed.: Mark Tven. *Soedinennye Linchuyushchie Shtaty*. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1985. 96 p.).
9. Walmsley R. *World Prison Population List*. 10th ed. Available at: [https://www.prisonstudies.org/sites/prisonstudies.org/files/resources/downloads/wppl\\_10.pdf](https://www.prisonstudies.org/sites/prisonstudies.org/files/resources/downloads/wppl_10.pdf).
10. Conley A. Torture in US Jails and Prisons: An Analysis of Solitary Confinement under International Law. *Vienna Journal on International Constitutional Law*, 2013, vol. 7, no. 4, pp. 415–453.
11. Venetis P.M. Making human rights treaty law actionable in the United States: the case for universal implementing legislation. *Alabama Law Review*, 2011, vol. 63, iss. 1, pp. 98–160.
12. Chuksina V.V. Institution of ombudsman as national preventive mechanism against torture. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2012, no. 3 (83), pp. 140–144. (In Russian).
13. Garlitskiy L. Judiciary independence in the practice of the European Court of Human Rights. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie = Constitutional Law: East European Review*, 2004, no. 1 (46), pp. 121–127. (In Russian).
14. Smirnova I.G. About social role of European Court of Human Rights in criminal proceedings. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy*

akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy, 2011, no. 5 (79), pp. 149–153. (In Russian).

15. Ariel B., Farrar W., Sutherland A. The Effect of Police Body-Worn Cameras on Use of Force and Citizens' Complaints against the Police: A Randomized Controlled Trial. *Journal of Quantitative Criminology*. Available at: <http://springer.com/article/10.1007/s10940-014-9236-3>.

16. Tyler T. Public trust and confidence in legal authorities: what do majority and minority groups members want from the law and legal institutions? *Behavioral Sciences & the Law*. Special Issue: Public Trust and Confidence in the Courts, 2001, vol. 19, iss. 2, pp. 215–235.